

ВЫСТАВКА КИНО

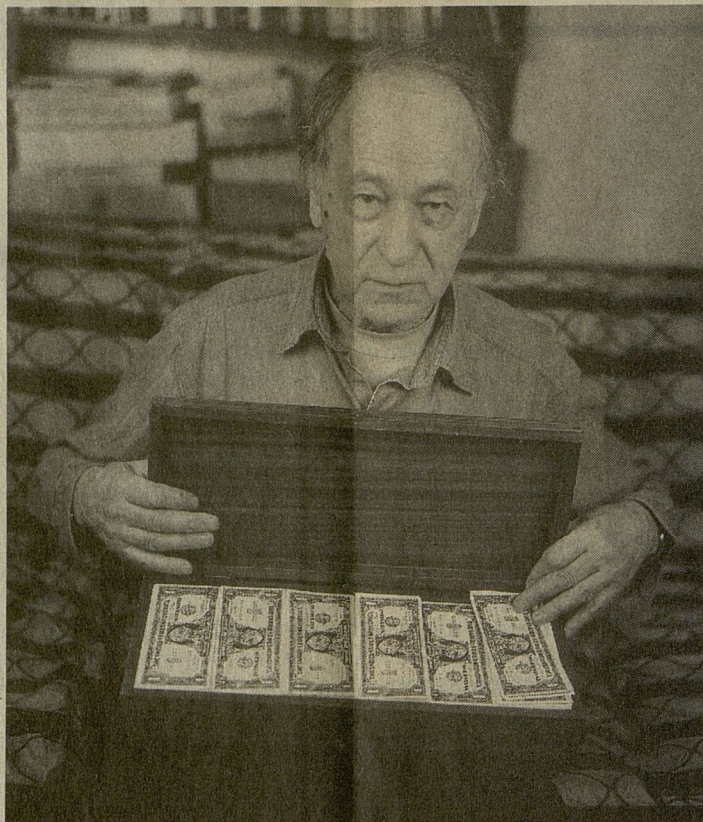
Домашнее видео мирового значения

Ретроспектива Йонаса Мекаса в Вильнюсе

В вильнюсском Центре современного искусства проходит выставка-ретроспектива литовского патриарха альтернативного кино Йонаса Мекаса. Из Вильнюса — ВИКТОРИЯ МУСВИК.

Акробаты, жонглеры, канатоходцы, лошади в плюмаже — 12 минут лихорадочного движения, музыки и световых всполохов. А на экране рядом — две кошки медленно и неспешно дремлют бок о бок, больше в кадре ничего не происходит. Последний концерт Элвиса в Нью-Йорке (картинка движется под музыку Моцарта), получасовая череда эпизодов дня рождения Джона Леннона — а в соседнем зале самые обычные сцены из жизни: кто-то что-то готовит на кухне (кажется, пирог?), дети играют на скрипке, еще одну кошку ругают за то, что она нашкодила. Добро пожаловать в странный мир Йонаса Мекаса — главного летописца повседневности в XX веке.

Хотя, пожалуй, правильнее было бы назвать знаменитого литовца энциклопедистом или коллекционером, ведь в его фильмах нет (или он хочет заставить нас поверить, что нет) отстраненности, критической дистанции. Щемлящая открытость частной жизни окружающему миру, интенсивность переживания самого обыденного и декларируемое нежелание навязывать зрителю оценку — следствие отчасти жизненной истории Йонаса Мекаса, отчасти выбранного им творческого метода. Родившийся в 1922 году на отдаленном литовском хуторе (позже Мекас вспоминал, что был абсолютно счастлив и вовсе не хотел открывать мир) Йо-

Живущий в Нью-Йорке литовский кинематографист Йонас Мекас знаменит тем, что всю жизнь разменивается на мелочи ФОТО FOTOBANK/GETTY IMAGES

нас и его брат Адольфас были угнаны в Германию во время войны, где провели восемь месяцев в «трудовом лагере». В 1949-м оба эмигрировали в Америку. Через четыре дня после переселения в Нью-Йорк Йонас купил 16-миллиметровую камеру Volex и стал тщательно, шаг за шагом документировать свою собственную жизнь, а также жизни своих друзей — непримиримых борцов со всякого рода «системами». Самому Мекасу суждено было войти в историю как яростному борцу с Голливудом, создателю независимого

«нового американского кино», тайком демонстрировавшему свои фильмы на полуподпольных показах. Парадоксально при этом, что славу харизматического бунтаря и кумира университетских городков ему в основном принесли фильмы, в которых он занят «фиксацией трудно уловимых, почти невидимых поступков, чувств, ощущений» — в противовес всему грубому, громкому и жестокому, особенно политическим формациям нашего времени.

Нынешняя выставка в Вильнюсе — та самая, что была пока-

зана в прошлом году в литовском павильоне на Венецианской биеннале. Это не самая первая ретроспектива Йонаса Мекаса, и кое-что из самого важного, как не преминули тут же отметить критики, в нее не вошло. Скажем, фильм «The Brig» («Гауптвахта», 1963) — то ли документальная, то ли постановочная (зритель должен решить сам) картина о том, как над десятью американскими солдатами, заключенными на военном корабле на гауптвахту, издеваются охранники. Целью нынешнего отбора, как кажется, было исключение таких ранних, чересчур оценочных или слишком подвергающих статус реальности сомнению вещей. Осталось самое интимное, частное, камерное — именно на нем здесь сделан акцент, и именно оно, очевидно, является самым важным для нынешнего Мекаса, назвавшего выставку «Воспевание маленького и личного во времена великого и огромного» (Celebrations of the Small and Personal in the Times of Bigness).

Экспозиция представляет собой большой квадратный зал, разделенный плотными черными шторами на четыре кинокомнаты. В первой в режиме нон-стоп показывают его полнометражные фильмы: с понедельника по воскресенье (на стене висит расписание) можно увидеть визуальные дневники разных лет, начиная с проникнутого отчаянием «Lost, Lost, Lost» (1949–1963, реж. 1976) до спокойно-поэтического пятичасового «As I Was Moving Ahead Occasionally I Saw Brief Glimpses of Beauty» (2000). Здесь же по воскресеньям в связке идет несколько доку-

ментальных зарисовок из жизни друзей и знакомых режиссера: Джеки Кеннеди, Энди Уорхола, Джона Леннона, Йоко Оно, Мика Джаггера, Лу Рида и других. Все это не в хронологической последовательности, а, как положено у Мекаса, в виде одновременном, протяженно-закольцованном, так что ухватить какую-то «эволюцию» развития творческого метода режиссера (все-таки ведь ретроспектива!) удастся с трудом. В следующей комнате стоит экран, на котором постоянно сменяют друг друга более короткие (по мекассовским, конечно, меркам) импрессионистические зарисовки вроде «Meanwhile a butterfly flies» (2002) или «New York is My Dog» (2004). В третьей — инсталляция из шести маленьких и одного большого экранов, на которых одновременно показывают фильмы разных лет. Наконец, в последней — еще одна инсталляция из составленных в кружок экранов: домашнее видео 1987–1995. Впрочем, именно такая последовательность залов вовсе необязательна: в мекассовское «домашнее кино» можно в любой момент войти и выйти.

И вот здесь, в этих черных залах, где музыка с одного экрана перекрывает плавно текущую речь с другого, а визуальные ощущения зашкаливают, возникает довольно странное чувство несоответствия, а то и обмана. Форма представления фильмов, которые вы лично привыкли смотреть, внимательно вглядываясь в каждое мгновение, — как кажется поначалу — идет вразрез, а то и попросту разрушает заявленную тему бережного любования тривиальным. Вырвав-

шись на тусклый свет зимнего солнца, еще долго не можешь прийти в себя и начать воспринимать те самые мельчайшие детали жизни, видеть которые вроде бы и учит Йонас Мекас. Однако позже понимаешь: мекассовское желание предельно обострить наше ощущение красоты окружающего мира, «интенсифицировать незаметное», охватить, подобно коллекционеру позднего Ренессанса, все-все-все в рамках одного фильма, одной человеческой жизни всегда балансирует на грани надрыва.

Полвека назад обращение к кинофиксации интимного, казалось, давало потерянного, оторванного от корней человеку из маленькой страны возможность установления личной дистанции и нахождения нового баланса в огромном мире. Но, как оказывается на выставке, тот, кто ставит периферийное в центр сцены, под самый свет слепящих прожекторов, в какой-то момент рискует разорвать слишком тонкую оболочку повседневности. Усвоившему урок Мекаса на вопросы о том, до какого предела возможно усилить оттенки, чтобы они не превратились в кричащие краски, или тишину, чтобы она не стала криком, придется теперь отвечать самому. Патриарх контркультуры Йонас Мекас, навсегда вошедший в историю кинематографа пронзительно красивыми и лиричными фильмами о мгновениях жизни человека, старающегося уйти от ностальгии по навсегда исчезнувшему миру, никаких ответов вам принципиально не даст, но, возможно, заставит задуматься.

Кеммерерский - 2006 - 13 марта - с 22